

УДК 811.223.2 – 811.512.144
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-46-55>

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДРЕВНИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТАТСКОГО И КУМЫКСКОГО ЯЗЫКОВ

Гарун-Рашид Абдул-Кадырович Гусейнов

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, garun48@mail.ru

Введение. Ретроспективный анализ истории взаимоотношений татского и кумыкского языков еще не ставился предметом специального рассмотрения. Его хронологические и ареальные пределы – от древнейших контактов в переднеазиатском регионе на уровне праязыков до раннесредневековой эпохи существования Хазарского каганата на Восточном Кавказе.

Цель – предоставить в распоряжение исследователей татского языка необходимый историко-лингвистический материал, который ретроспективно отражает этапы его взаимоотношений с кумыкским языком, коррелирующие с основными задачами настоящего исследования. К ним относятся: 1) древнейший этап праязыковых отношений данных языков, связанный с воздействием прототюркского субстрата на праиранский язык; 2) древний этап (III–II тыс. до н. э.) рассматриваемых контактов северных и южных западноиранских языков, включая татский, обусловивших развитие в них второго (древнего) типа тюркского ротацизма; 3) связи ранне-средневековой (Хазарского каганата) эпохи, наследием которой являются гебраизмы кумыкского языка.

Материал и методы. Рассмотрение материала осуществляется на уровне различных синхронных срезов. При этом используются приемы сравнительно-исторического метода, а также лингвистической географии и ареальной географии.

Результаты и обсуждение. Наличие в праиранском вокализме прототюркского субстратного умлаута (обратной гармонии гласных) оказывается обусловленным контактами соответствующих праязыков в переднеазиатской зоне. К поздним (III–II тыс. до н. э.) их проявлениям относится ротацизм в северных и южных западноиранских языках, включая татский. Еще более поздней является общетюркская прогрессивная гармония гласных, известная обоим татским диалектам. К раннему Средневековью относится появление в кумыкском языке ощутимого числа гебраизмов (заимствований из древнееврейского языка) хазарской эпохи.

Заключение. К древнейшему уровню взаимоотношений татского и кумыкского языков относится наличие в праиранском вокализме прототюркского субстратного умлаута, развитие которого оказывается обусловленным контактами соответствующих праязыков в переднеазиатской зоне. Позднее (III–II тыс. до н. э.) в северных и южных западноиранских языках, включая татский, формируется ротацизм древнетюркский (булгарского типа). Еще позднее вследствие двуязычия с местными тюркскими языками в татском языке развивается общетюркская прогрессивная гармония гласных. В период раннего Средневековья в лексику кумыкского языка – наследника языковых традиций Хазарского каганата – проникает ощутимое число гебраизмов.

Ключевые слова: горские евреи, татские диалекты, субстрат, иранский, кумыкский, азербайджанский, гебраизм, Хазарский каганат

Для цитирования: Гусейнов Г.-Р. А.-К. О некоторых аспектах древних взаимоотношений татского и кумыкского языков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 46–55. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-46-55>

ABOUT SOME ASPECTS OF ANCIENT RELATIONSHIPS OF TATI AND KUMYK LANGUAGES

Garud-Rashid A.-K. Guseinov

Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, garun48@mail.ru

Introduction. A retrospective analysis of the history of the relationship between the Tat and Kumyk languages has not yet been the subject of special consideration. Its chronological and areal limits are from the oldest contacts in the North Asian region at the level of the pre-languages to the early medieval era of the existence of the Khazar Khaganate in the East Caucasus.

The aim is to provide the necessary historical and linguistic material at the disposal of Tati language researchers, which reflects the retrospective stages of its relationship with the Kumyk language, correlating with the main tasks of this study.

Objectives include: 1) the oldest stage of the pre-language relations of these languages, associated with the effect of the Proto-Turkic substrate on Prairan; 2) ancient (III–II thousand BC) – contacts of the northern and southern Western Iranian languages, including Tati, which led to the development of the second (ancient) type of Turkic rotacism in them; 3) connections of the early medieval (Khazar Khaganate) era, the legacy of which are the Hebraisms of the Kumyk language.

Material and methods. The material is reviewed at the level of various synchronous slices. At the same time, the methods of the comparative historical method, as well as linguistic geography and areal geography, are used.

Results and discussion. The presence in Prairan vocalism of the Prototurk substrate umlaut (reverse harmony of vowels) turns out to be due to the contacts of the corresponding proto-languages in the front Asian zone. Later (III–II thousand BC) their manifestations include rotacism in the northern and southern Western Iranian languages, including Tati. Even later is the general Turkic progressive harmony of vowels, known to both Tat dialects. By the early Middle Ages, the appearance of a noticeable number of Hebraisms of the Khazar era in the Kumyk language refers.

Conclusion. The oldest level of relations between the Tat and Kumyk languages includes the presence in the Prairan vocalism of the Proto-Turkic substrate umlaut, the development of which turns out to be due to the contacts of the corresponding forelanguages in the front Asian zone. Later (III–II thousand BC) in the northern and southern Western Iranian languages, including Tat, the ancient Turkic (Bulgarian) rotacism develops. Even later, due to bilingualism, the general Turkic progressive harmony of vowels is divided with the local Turkic languages in the Tati language. In the early Middle Ages, a noticeable number of Hebraisms – borrowings from the Hebrew language – penetrated the vocabulary of the Kumyk language.

Keywords: Mountain Jews, Tati dialects, substrate, Iranian, Kumyk, Azerbaijan, gebraizm, Khazar Khanate

For citation: Guseinov G.-R. A.-K. O nekotorykh aspektakh drevnikh vzaimootnosheniy tatskogo i kumyckskogo yazykov [About Some Aspects of Ancient Relationships of Tati and Kumyk Languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 46–55 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-46-55>

Введение

Ретроспективный анализ истории взаимоотношений татского и кумыкского языков и их носителей – от древнейших контактов в переднеазиатском регионе на уровне праязыков до раннесредневековой эпохи существования Хазарского каганата на Восточном Кавказе – еще не становился предметом специального рассмотрения. Причем язык горских евреев, проживающих главным образом в Южном Дагестане (в районе Дербента), и татов-шиитов в Северо-восточном Азербайджане, включая Апшеронский полуостров, относится к юго-западным новоиранским, т. е. возникшим примерно с VIII–IX вв. н. э. [1, с. 17].

Что касается кумыкского языка, носители которого проживают на Восточном Кавказе, будучи и в настоящее время представленными как в Дагестане, так и в Чечне и Северной Осетии, то он также сложился еще в домонгольское время на болгаро(хазаро)-огузской основе. В Южном Дагестане носители кумыкского языка проживают в непосредственной территориальной смежности и с горскими евреями.

Примерно в ту же эпоху, особенно в VIII в., продолжают арабо-хазарские войны, когда соперники попеременно осуществляют вторжения на территорию нынешнего Дагестана и Закавказье, включая Иранский Азербайджан. При этом первое упоминание о хазарах (в форме *хасар*) в числе (тюркских) народов, проживающих и за Каспийскими воротами, имеет место под 569 г. сирийской хроники Захария Метиленского 570–571 гг., в основе сведений которой лежит информация, полученная от

людей, побывавших в «гуннских» (хазарских) пределах [2, с. 185, 100–101].

Материал и методы

Рассмотрение материала, включающего и кумыкские фольклорные тексты, осуществляется на уровне различных синхронных срезов посредством приемов сравнительно-исторического метода (внутренняя и внешняя реконструкция), а также лингвистической географии и ареальной географии. Использовались также приемы сопоставительно-исторической методики. При их помощи лексические факты неродственных языков рассматриваются в диахронном отношении.

Результаты и обсуждение

Интерес к истории, культуре и языку горских евреев (татов) усиливается с каждым годом, как о том свидетельствуют, в частности, статьи, опубликованные в местных научных изданиях последних лет [3]. Причем носители этого языка обычно относятся к числу поселенцев из внутренних районов Ирана, которые с установлением в конце IV в. н. э. власти Сасанидов появились в Закавказье, включая Албанию, а также в Южном Дагестане и Дербенте, где поселение татов в последнем регионе связывается со временем Сасанидского правителя Хосрова I Ануширвана (531–579) [4, с. 19]. Именно в эту эпоху в регионе становятся известны хазары и еврейские общины, проживавшие на контролируемой ими территории, включая нынешний Дагестан, а также сведения о том, что примерно в 740 г. Булан (Сабриэл) – один из хазарских

военачальников – перешел в иудаизм, который становится государственной религией в каганате [5, с. 362, 364].

Вместе с тем со сравнительно давних времен бытует точка зрения Всеволода Миллера о происхождении татов от евреев, переселившихся на Кавказ не позднее VII в. [6, с. I–XVIII]. Известно также мнение М. И. Артамонова [5, с. 265], который считал, что евреи попали на Восточный Кавказ после подавления маздакитского движения в Иране (около 531 г.). Первой точкой зрения, в принципе, руководствуется И. Г. Семенов [7, с. 35–36], полагая, что «наиболее надежным ориентиром в поисках области, из которой евреи были переселены на Восточный Кавказ, является язык горских евреев». Таковой он считает Вавилонию, которая, однако, не была ираноязычной, или сопредельные с нею области Ирана, имея в виду, что еврейско-татский язык сформировался на территории Малой Мидии (современный Иранский (Южный) Азербайджан), откуда они при последних персидских царях из династии Сасанидов были переселены на Восточный Кавказ (Всеволод Миллер). С другой стороны, он полагает, что «в основе еврейско-татского языка лежит среднеперсидское наречие, которое имеет юго-западно-иранское происхождение».

Однако древний мидийский язык считается северо-западным иранским языком, к числу современных представителей которого относится в числе прочих язык тати, который изредка называют южнотатским в отличие от татских идиомов Кавказа. Данный язык обнаруживает определенную близость к талышскому языку и рассматривается как один из потомков (иранского) языка азери [8]. Иранская генетическая принадлежность последнего нуждается, по нашему мнению, в дополнительном рассмотрении ввиду известности мнения о его тюркоязычности, что не входит, однако, в число задач данной работы.

Как полагают А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова [9, с. 232], ведущими свое происхождение «от персидских гарнизонов, создававшихся на границах империи при последних Сасанидах в период войн с хазарами за обладание Дербентом», наоборот, являются таты-мусульмане – носители южного диалекта татского языка. По их мнению, предположение Миллера о происхождении предков татов-иудеев (горских евреев) «от евреев, переселившихся на Кавказ не позднее VII в., является спорным, так как есть немало исторических и языковых свидетельств того, что эта группа татов также автохтонна и иудейская религия проникла к ним в сравнительно позднее время».

В связи с вышеизложенным *цель* данного исследования заключается в том, чтобы предоставить в

распоряжение исследователей татского языка (в контексте вышеупомянутого вопроса об области первоначального расселения горских евреев и татов) необходимый историко-лингвистический материал, отражающий ретроспективные этапы его взаимоотношений с кумыкским языком, коррелирующие с основными *задачами* данного исследования. При этом выделяются: 1) древнейший этап праязыковых отношений данных языков, связанный с воздействием прототюркского субстрата на праиранский; 2) древний этап (III–II тыс. до н. э.) – контактов северных и южных западноиранских языков, включая татский, обусловивших развитие в них второго (древнего) болгарского типа тюркского ротацизма; 3) связи раннесредневековой (Хазарского каганата) эпохи, наследием которой являются гебраизмы кумыкского языка.

Кроме того, как уже было отмечено в предшествующем изложении, татский язык относится к юго-западным иранским языкам, древнейшим представителем которых является древнеперсидский язык, продолжением – среднеперсидский, являющийся предшественником новоперсидского [1, с. 14]. Соответственно, данный язык, будучи близким в грамматическом и лексическом отношении к новым персидскому и таджикскому языкам, отличается от них (северный диалект) более архаичной структурой (чем, по мнению других исследователей, подтверждается мнение Вс. Миллера и В. Ф. Минорского о татах как западных иранцах, мигрировавших из Ирана при последних (VI–VII вв.) Сасанидах [9, с. 233]). Лексические же отличия еврейского диалекта от персидского являются более существенными, чем у мусульманских говоров, в силу наличия значительного пласта усвоенных из древнееврейского [9, с. 232].

При этом в развитии тезиса И. Г. Семенова о языковом подходе в «поисках области, из которой евреи были переселены на Восточный Кавказ», следует, на наш взгляд, обратить в первую очередь внимание на макроскопический (хронологически удаленный) аспект рассматриваемого вопроса. Он связан с тем, что распад индоарийской общности, из которой выделяются иранские языки, относится к периоду не позднее IV в. до н. э. и не раньше первой половины III в. до н. э. (что соответствует времени существования общеиранского состояния, которое имело место «не позднее рубежа III–II тыс. до н. э.» [10, с. 87]), когда носители индоиранских диалектов только появляются в северной (!) части Иранского нагорья. В конце II – начале I тыс. до н. э. восточные иранцы расселяются с территории переднеазиатской индоевропейской прародины, которая локализуется на Ближнем Востоке, в областях Средней Азии и Афганистана, и только не позднее X в. до н. э. ираноязычное (носители буду-

щих западноиранских (!) языков) население оказывается известным в историческом Западном Иране [11, с. 871, 914, 917, 920].

При этом с учетом недавно высказанной гипотезы о переднеазиатской локализации тюркской прародины и сохранении древнего прототюркского (праалтайского) субстратного ядра в нынешнем центральном Иране [12, 13] в соответствии с известным положением В. И. Абаева [14, с. 60], согласно которому «языковой субстрат выявляется как совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходящие на новый язык», представляется возможным предполагать отражение тюркского субстратного воздействия в фонетике иранских языков. И речь в данном случае идет об умлауте (обратной гармонии) системного характера, известном в древнеиранском вокализме.

Не случайно данное явление наблюдается в различных по хронологии и ареальным характеристикам иранских языках. Речь идет о древнем, возможно, восточноиранском авестийском, среднеиранских – северо-восточном сакском и юго-западном среднеперсидском, а также об уже упоминавшихся новых юго-западных персидском и таджикском, северо-западных иранских языках, в частности курдском, в той или иной степени других иранских и особенно широко – восточных памирских [15].

Что касается более поздней собственно тюркской эпохи в ее отношении к хазарской проблеме, то чрезвычайно важным представляется взгляд на нее И. Л. Кызласова [16, с. 252]. Этот известный тюрколог, приняв во внимание упоминание хазар в VI в. н. э. у Захария Ритора, а также имплицитно придерживаясь высказанного А. В. Дыбо [17, с. 65–66] понимания пратюркского языка как языкового состояния, существовавшего до отделения болгарской группы – в 100–0 г. до н. э. – и связывающегося с миграцией части азиатских гуннов *сюнну* из Западной Монголии на запад, полагает, что отделение болгарской группы могло иметь место от 120 г. до н. э. до рубежа эр и даже немного раньше. И самое главное – могло не быть связанным, как традиционно полагают, с пределами Центральной Азии. Тем более что, «исходя из представлений о прародине тюркских народов в Центральной Азии, исследователи неоднократно пытались отыскать там следы пребывания хазар и болгар. Старания оказались безуспешными». Разделение тюркских народов на западных и восточных произошло еще в древние времена, что отразилось в известных с VIII в. различиях в письменности, а также в культурной жизни, включая особенности их языческой религии.

В конечном счете, на его взгляд: «Хазаро-болгарский мир когда-то протуберанцем отделился от

прототюркского ядра и долго пребывал вне контактов с прочими тюркскими народами. Восточно-тюркский мир, продвигаясь на запад, поглотил некогда отделившихся старообрядцев – уцелели только чуваша» [16, с. 252, 253]. Именно они продвинулись в сравнительно недавнее историческое время с территории Северного Кавказа в нынешнюю область своего проживания – Поволжье, и отличительной чертой их языка является ротацизм, неизвестный прочим тюркским языкам.

И подобной, но гораздо менее древней, чем умлаут, тюркской субстратной чертой татского языка является ротацизм – переход древнего поствокального $t > r$ (ср. *diran* – перс. *didan* «видеть» и др.), характерный для болгарского (чувашского) языка. Причем данное явление уже рассматривалось как свидетельство более глубокого и древнего тюркского (хазарского) фонетического влияния на татский, обусловленного его давними отношениями с кумыкским языком, но без специальной, в том числе теоретической, мотивации [4, с. 21] при известности иных его интерпретаций, которые будут рассмотрены в последующем изложении.

Не случайно А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова, говоря о том, что «татский язык принадлежит к юго-западной группе иранских языков и по своему грамматическому строю и лексическому составу близок к языкам персидскому и таджикскому», отмечают данный процесс как переход поствокального $*d (< *t) > r$ (ср. *джухур* – самоназвание горских евреев) в качестве «наиболее важной историко-фонетической особенности татского языка по сравнению с персидским и таджикским». Они же вполне обоснованно, на наш взгляд, отвергают принадлежащие В. Ф. Минорскому и основанные на ротацизме татского сближения, с одной стороны, с (северо-западными, притом что татский относится к юго-западным, «бытовавшим в древности на крайнем юго-западе территории распространения иранских языков (область Парса)» [1, с. 98]) прикаспийскими языками, указывая на то, что «ни в тальшском, ни в гилянском, ни в мазандеранском ротацизм не представляет собой широко распространенного явления» [9, с. 232]. С другой стороны, что также немаловажно, отмечают, что «ротацизм иранских заимствований в армянском... имеет мало общего с татским ротацизмом: арм. r соответствует др.-ир. $*d$, татское же $r < *t$ ».

Они же вполне обоснованно, если принять во внимание вышеизложенное, указывают на то, что «наличие ротацизма – одно из свидетельств довольно раннего выделения татского из юго-западной общности (до того, как осуществился переход $\delta > d$)» [9, с. 232–233, 246]. Вместе с тем следует отметить, что при всей схожести языка тати с остальными северо-западными иранскими языками

ряд его диалектов также характеризуется развитием ротацизма [8], присущего, как уже отмечалось, и собственно татскому, что нуждается, в принципе, в дальнейшем осмыслении, имея в виду территорию, занимаемую его носителями.

Кроме того, известный российский иранист Д. И. Эдельман обратила внимание на то, что данное явление известно не только юго-западным, как татский, но и диалектам кумзари (на южном берегу Ормузского пролива) и башкарди (северного диалекта), который занимает исторически самостоятельную позицию среди юго-западных иранских языков, притом что «для персов башкардские говоры в значительной степени непонятны» [1, с. 26, 106] (в области, прилегающей к юго-восточному углу Персидского залива, будучи окруженными с юга носителями белуджского языка), и северо-западному тальшскому (в юго-западном Прикаспии), а также другим иранским языкам [18].

По ее мнению, данный процесс связан «с определенной типологией фонологических структур (в примечании 3, говоря о типологии переходов дентальных смычных согласных в l, r, автор отмечает ее известность «в разговорном английском языке, в русских диалектах и в других языках мира») и фонетических изменений: в тех иранских языках, где отсутствует или неустойчив фонологический статус глухой *θ, неустойчивым оказывается и статус звонкого (восточноиранского) звукотипа *δ (наследующего *d и *t в определенных позициях)». При этом, как отмечает Д. И. Эдельман, глухой щелевой *θ, восходящий к праарийскому глухому смычному придыхательному *th, оказывается присущим главным образом западноиранским языкам и лишь спорадически некоторым восточноиранским [10, с. 84, 92].

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в истории английского и других германских языков имеет место ротацизм иного типа – $s > z > r$ [19, с. 70, 82], как, впрочем, и в латинском [20, с. 74, 144]. Что касается русских диалектов, то для известных в них форм *сварьба* «свадьба», *усарьба* «кусадьба» и других первоначально допускалось, что они могут составить тему особого разыскания в плане восточнославянско-булгарских связей [21, с. 110]. Однако в дальнейшем Р. Ф. Касаткина [22, с. 119–121] показала, что подобные изменения в русских говорах не имеют контактной природы и обусловлены в основном особенностями артикуляции соответствующих смычных звуков в русском языке.

В пратюркском (булгарском) языке известно аналогичное вышеупомянутым иранским языкам явление, связанное с присущим ему так называемым вторым типом ротацизма, при котором (см. выше) *-δ- > -r- имеет место, за исключением

основ, содержащих r [17, с. 65]. Данный тип ротацизма является наиболее древним, о чем говорит его известность хазарскому языку как одному из болгарских, как, например, *oqyryt* «я читал» в хазарском письме X в. [23, с. 28, 62–63]. О другом известном подобном явлении (*тырун – тудун*) писал еще А. Н. Самойлович [24, с. 398–400].

Показательно, что именно в Закавказье известны и более ранние фиксации данного процесса, относящиеся к VII в. – отмеченному выше времени переселения евреев в эту область (см. в предшествующем изложении) – это хазарский титул *Toûdoûvos*, *tidun* в «Истории Алван», что еще раз подтверждает их контактный генезис. Эти же формы отложились и в языках Северного Кавказа и Дагестана (ср.: лак. *Turan-çi*, авар. *T'urar-aw/T'urur-aw/T'urul-aw*, (кум.-) чеч. *Turl-ow*), известны также булгаризмам иных дагестанских языков – лакского и лезгинских. Обращает на себя внимание и то, что еще более системно рассматриваемое явление отразилось на уровне внутренних структур одного из лезгинских языков – табасаранского [25, с. 27–28], что может указывать на их субстратную природу.

О достаточно давнем пребывании носителей хазарской (булгарской) речи в Закавказье свидетельствуют и иные, также аналогично системные, отличные от других тюркских языков, древние морфологические сходства, присущие чувашскому языку как наследнику болгарского (хазарского), северным и северо-восточным диалектам азербайджанского языка [16, с. 250, 251], ареально смежным языкам дагестанским. Причем оседание носителей хазарского (булгарского) языка в рассматриваемом регионе могло начаться в эпоху вышеупомянутых арабо-хазарских войн VII–VIII вв., когда имело место и переселение арабами хазар в Закавказье, в условиях, когда, как уже отмечалось, время переселения евреев на Кавказ также относится к VII в.

Кроме того, рассматриваемый тип ротацизма, как явствует из предшествующего изложения, оказывается характерным как для северных, так и для южных западноиранских языков, т. е. имеет западную зону распространения. Однако процесс «распада» общеиранского праязыка и выделения из него определенных языков, диалектов, групп и подгрупп не был единовременным, «одноактным», и время существования общеиранского состояния имело место, как уже говорилось в предшествующем изложении, «не позднее рубежа III–II тыс. до н. э.». И в основе разделения иранских языков – живых и вымерших – на «западноиранские» и «восточноиранские» лежит первичное расселение ираноязычных племен по отношению к соляным пустыням Иранского нагорья [10, с. 87, 89, 91], которые находятся в его внутренней части.

Следует отметить, что рассмотренными случаями фонетического влияния древних тюркских (булгарских) языков на татский и, в принципе, на некоторые дагестанские языки отнюдь не исчерпывается вышеупомянутый макроскопический (хронологически удаленный) аспект рассмотрения анализируемых явлений. Возможно, именно последним обстоятельством была обусловлена установленная в предшествующем изложении ареальная дистрибуция рассмотренной черты (вокализма), которая носит периферийный, окраинный (северный, западный и крайний юго-западный – см. выше) и более поздний, но также древний пратюркский (но не прототюркский, как умлаут) субстратный характер.

И последним гораздо менее древним следствием обратного воздействия на татский язык в лице обоих (северного еврейского и южного мусульманского) его диалектов является регрессивная (общетюркская) гармония гласных, возникшая, «по-видимому, под влиянием тюркских языков» [9, с. 239]. Подобное явление в силу меньшей проницаемости фонетических систем по сравнению с лексическими следует считать более глубоким, чем умлаут и ротацизм, возникшие в соответствующих иранских языках в гораздо более древние времена.

Учитывая то, что субстратные болгарские черты языка хазар обнаруживаются и в кумыкском языке [25, с. 51], данное обстоятельство позволяет рассматривать его в качестве одного из наследников хазарского. Не случайно исторические корни рассматриваемых взаимоотношений, реликты которых, включая языковые, о которых будет сказано в последующем изложении, до сих пор сохранились в кумыкской этнокультуре (в частности, предания о еврейском происхождении некоторой части кумыкских жителей сел Дёргели, Маджалис, Аракани и др. [26, с. 4–5]) и восходят в первую очередь к эпохе Хазарского каганата, официальной религией которого, как было отмечено в предшествующем изложении, был иудаизм.

В исторической памяти кумыков до сих пор сохранилась столица каганата Семендер, располагавшаяся в районе кумыкского селения Тарки, находящегося в настоящее время в черте г. Махачкалы, и некоторые другие культурные феномены и артефакты, связанные с хазарами. Ср.: отрывок «Семендерден алгъан янгы хараланы...» («В Семендере купленные новые шелка...») из кумыкской мифологической баллады «Ташгъа дёнген Аймеседу» («Окаменевшая Аймеседу») [27, с. 76]; посвященный борьбе хазар с арабскими завоевателями кумыкский героический эпос «Анжи-наме», в котором упоминаются имена языческих богов кумыков [28], где Анжи – кумыкское название района Махачкалы (в старых кумыкской и дагестанских народов традициях город именуется Анжи), где нахо-

дился Семендер, который осаждался в 713–714 гг. арабским полководцем Масламой [29, с. 165], а также Хазар – название Каспийского моря, кумыкский фразеологизм *хазар хазнасы* «хазарская казна» в значении «неиссякаемый источник денег», пословица «Хазар гетди – гетди хазна къумукъдан» («Ушли хазары – ушла казна от кумыков») и др.

Не исключено вместе с тем, что ввиду древнего соседства с горскими евреями, на что может указывать и отмеченная И. Г. Семеновым [7, с. 35–36] возможность знакомства хазар с иудаизмом через посредство восточнокавказских евреев, источником же многих гебраизмов – усвоений из древнееврейского языка – в кумыкском языке также мог послужить язык предков нынешних горских евреев.

Так, К. М. Алиев [26, с. 4–5] относит к числу соответствующих языковых свидетельств-гебраизмов такие формы, как *ибрай/ибрайлар* – этноним древних евреев, *аван болмакъ* «оказаться простаком» (др.-евр. *аван* «грех»), *лайсан (яйсан)* «праздник первого весеннего дождя» (др.-евр. название месяца *нисан*). Кроме того, возможными отголосками иудаизма он считает такие рефрены обрядовых песен, как *гъалилей, массай*. К ним следует присовокупить, на наш взгляд, предположительно *адаршай* «горе» (тебе, мне, ему и т. д.), *адаршай сагъа* «горе тебе» [30, с. 29].

К числу других пережитков иудаизма в кумыкском языке широкий круг авторов обычно относит уст. кум. *тёре* «суд; расправа» [30, с. 313], сравнивая его с *тора* (< др.-евр. *toiro*) «1. У евреев – первая часть Библии, т. н. Пятикнижие Моисеево. 2. Пергаментный свиток с текстом Пятикнижия, хранимый в синагоге» [31, с. 747]. На первый взгляд, слово действительно обнаруживает близость к кум. *тёре* (но при неясности отношения к *тёр* «почетное место в комнате», «красный угол») [30, с. 313]. Оно поддерживается аналогичным ног. *тоьре* и *тоьреши* «судья» при известности казах. *тоьре* 1. «ЧИНГИЗИД (потомок Чингизхана)»; 2. перен. «аристократ». Ср. средневековую фиксированную форму данного слова в тюркских языках – *törä* «закон, обычай», употребленную в одном из списков (XV в.) философской поэмы «Кутадгу билиг» уйгурского поэта XI в. Юсуфа Баласагуни, при известности другого значения – «почетное место в юрте», получившего отражение в словаре М. Кашгари того же XI в. [32, с. 580], что требует специального рассмотрения, не входящего в число задач данной работы.

Заключение

Анализ древнейших аспектов истории взаимоотношений татского и кумыкского языков позволяет прийти к заключению о бытовании в праиранском вокализме прототюркского субстратного

умлаута (обратной гармонии гласных). Его возникновение обусловлено древними контактами в переднеазиатской зоне локализации как индоевропейской прародины, так и, возможно, тюркской. Позднее к его проявлениям относится ротацизм в северных и южных западноиранских языках, носители которых расселяются в III–II тыс. до н. э. в нынешних пределах своего проживания. Последнее явление оказывается присущим татскому и небольшому кругу иных периферийных и ареально близких западных иранских языков и диалектов.

Не исключено вместе с тем, что вышеупомянутое явление в указанных выше языках, особенно в татском, имеет болгарское происхождение ввиду того, что регион Дербента как один из основных регионов проживания татов (горских евреев) явля-

ется исторически болгарской областью. Об этом свидетельствует, в частности, и ее топонимика [33, с. 62–63]. Явления аналогичного порядка известны и в других регионах распространения болгарских языков, будучи известными в некоторой своей части и средневековым памятникам кумыкского языка [34, с. 59–61].

Более поздний характер может иметь общетюркская прогрессивная гармония гласных, известная обоим татским диалектам. Ее развитие обусловлено двуязычием с местными тюркскими языками, по большей части, видимо, азербайджанским. В еще более позднюю раннесредневековую эпоху имеет место появление ощутимого числа гебраизмов в кумыкском языке – наследнике языковых традиций Хазарского каганата в регионе.

Список источников

1. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1979. 387 с.
2. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 217 с.
3. Мурзаханов Ю. И. К вопросу об этноязыковых контактах горских евреев с народами Северного Кавказа (по антропонимическим материалам) // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17, № 1. С. 250–260. <https://doi.org/10.32653/СН171250-260>.
4. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. К истории горских евреев по данным взаимоотношений их языка с нахско-дагестанскими и древними тюркскими языками // Тезисы докладов региональной научной конференции «История, историография и этнография горских евреев» / ред. И. Г. Семенов. Дербент: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2009. С. 19–21.
5. Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб.: Лань, 2001. 688 с.
6. Миллер Вс. Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка (введение, тексты и словарь). СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1892. 90 с.
7. Семенов И. Г. О ранних контактах восточнокавказских евреев и хазар // Материалы Международного научного симпозиума «Горские евреи Кавказа» / ред. А. А. Аббасов, П. А. Аханчи, З. Т. Гилалов, Э. А. Керимов, М. Л. Микдаш-Шамаилова. Баку: Элм, 2002. С. 35–47.
8. Тати. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_\(язык\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_(язык)) (дата обращения: 25.07.2021).
9. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / ред. В. С. Расторгуева, В. А. Ефимов, Е. Н. Шарова и др. М.: Наука, 1982. 571 с.
10. Эдельман Д. И. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. С. 81–94.
11. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
12. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые языковые и фольклорные материалы к вопросу о переднеазиатской прародине тюркских народов в контексте проблемы кумыкского лингвоэтногенеза // Труды и материалы Международной научной конференции «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» / общ. ред. К. Р. Галиуллин, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2015. Т. 2. С. 89–92.
13. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Еще одно свидетельство локализации прародины тюрков в Передней Азии: бун-турки и хон(н)ы грузинских раннесредневековых хроник // Труды и материалы Международной научной конференции «Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» / общ. ред. К. Р. Галиуллин и др. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2018. С. 54–59.
14. Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956. Т. IX. С. 57–69.
15. Пахалина Т. Н. О роли умлаута в истории развития вокализма иранских языков // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 89–97.
16. Кызласов И. Л. Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в Средние века: сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / ред. И. Л. Кызласов, У. Ю. Кочкаров, В. Н. Чхаидзе. М.: Авторская книга, 2016. С. 249–257.
17. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период / отв. ред. Д. М. Насилов. М.: Наука, 2007. 223 с.

18. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. О некоторых (умлаут и ротацизм) аспектах древних ирано-тюркских фонетических отношений и вопрос об области первоначального распространения эндоэтнонима башкорт // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 1. С. 199–201. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.31
19. Телегин Л. А., Телегина Д. А., Павлычева Е. Д. История английского языка: учеб. пособие для бакалавров. М.: Флинта, 2010. 155 с.
20. Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 274 с.
21. Добродомов И. Г. Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков // Вопросы языкознания. 1974. № 4. С. 106–115.
22. Касаткина Р. Ф. Эти странные вибранты (некоторые проявления апико-альвеолярных артикуляций в русском языке) // Семантика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского / отв. ред. В. А. Виноградов. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 117–122.
23. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / науч. ред. В. Я. Петрухин. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. 259 с.
24. Самойлович А. Н. Заметка об языке волжских болгар. ТУРУНЬ-ТУДУНЬ (Еще пример турко-болгарского ротацизма). Петроград: Типография Российской Академии наук, 1918. С. 398–400 // Отд. отд. из Сборника Музея антропологии и этнографии при Рос. акад. наук. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 355–400.
25. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком / ред. Н. Х. Ольмесов. Махачкала: Алеф, 2010. 214 с.
26. Алиев К. М. О влиянии хазарских евреев на этнос и культуру кумыков // Тезисы докладов региональной научной конференции «История, историография и этнография горских евреев» / отв. ред. И. Г. Семенов. Дербент: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2009. С. 4–9.
27. Къумукъланы йырлары [Тизген А. Аджиев]. Магъачкъала: Дагъыстан китап басмаханасы, 2002. Т. 2. 459 с.
28. Абдуллатипов Абдулкадыр. Сказание о битве при Анжи как сокровищница древних тюркских символов и понятий кумыкского народа // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2002–2003. № 8–10. С. 48–53.
29. Таргу-наме. Лексикон / ред. и сост. К. М. Алиев. Махачкала: Новый день, 2001. 291 с.
30. Кумыкско-русский словарь / ред. З. З. Бамматов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 408 с.
31. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / ред. Д. Н. Ушаков. М., 1940. Т. 4. 1500 с.
32. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 676 с.
33. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего Средневековья // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 54–67.
34. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Булгаризмы старославянского (древнеболгарского) языка в контексте истории ареальных взаимоотношений болгарских языков Балкан и Северо-Восточного Кавказа // Балканское языкознание. 2013. LII, 2–3. С. 57–68.

References

1. *Osnovy iranskogo yazykoznanija. Drevneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics. Ancient Iranian languages]. Editor V. S. Rastorguyeva. Moscow, Nauka Publ., 1979. 387 p. (in Russian).
2. Gadlo A. V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [The ethnic history of the North Caucasus of the IV–X centuries]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1979. 217 p. (in Russian).
3. Murzakhanov Yu. I. K voprosu ob etnolyazykovykh kontaktakh gorskikh evreyev s narodami Severnogo Kavkaza (po antroponimicheskim materialam) [On the issue of ethno-linguistic contacts of mountain Jews with peoples of the North Caucasus (according to anthroponymic material)]. *Istoriya, arkhеologiya i etnografiya Kavkaza – History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 2021, no. 1, pp. 250–260 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.32653/CH171250-260>.
4. Guseynov G.-R. A.-K., Mugumova A. L. K istorii gorskikh evreyev po dannym vzaimootnosheniy ikh yazyka s nakhsko-dagestanskimi i drevnimi tyurkskimi yazykami [To the history of mountain Jews according to the relationship of their language with the Nakh-Daghestan and ancient Turkic languages]. *Istoriya, istoriografiya i etnografiya gorskikh evreyev. Tezisy dokladov regional'noy nauchnoy konferentsii* [Abstracts of reports of the Regional Scientific Conference “History, historiography and ethnography of mountain Jews”]. Editor I. G. Semenov. Dербent, Institute of History, Archeology and Ethnography DSC RAS Publ., 2009, pp. 19–21 (in Russian).
5. Artamonov M. I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. 2nd ed. Saint Petersburg, Lan’ Publ., 2001. 688 p. (in Russian).
6. Miller V. F. *Materialy dlya izucheniya evreysko-tatskago yazyka (vvedeniye, teksty i slovar’)* [Materials for the study of the Hebrew-Tat language (Introduction, texts and dictionary)]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1892. 90 p. (in Russian).
7. Semenov I. G. O rannikh kontaktakh vostochnokavkazskikh evreyev i khazar [About the early contacts of East Caucasian Jews and Khazars]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma “Gorskiye evrei Kavkaza”* [Proceedings of the International Scientific Symposium “Mountain Jews of the Caucasus”]. Editors A. A. Abbasov, P. A. Akhanchi, Z. T. Gilalov, Ye. A. Kerimov, M. L. Mikdash-Shamailova. Baku, 2002, pp. 35–47 (in Russian).

8. *Tati* (in Russian). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_\(язык\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_(язык)) (accessed 25 July 2021).
9. *Osnovy iranskogo yazykoznanija. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya grupa, prikaspiyskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics. New Iranian languages: Western group, Caspian languages]. Editor V. S. Rastorguyeva, V. A. Efimov, E. N. Sharova et al. Moscow, Nauka Publ., 1982. 571 p. (in Russian).
10. Edel'man J. I. Nekotoryye problemy sravnitel'no-istoricheskogo iranskogo yazykoznanija [Some problems of comparative-historical Iranian linguistics]. *Voprosy yazykovogo rodstva – Journal of Language Relationship*, 2009, no. 1, pp. 81–94 (in Russian).
11. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury II* [Indo-European language and Indo-Europeans. A reconstruction and historical typological analysis of a protolanguage and protoculture II]. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1984. 1328 p. (in Russian).
12. Guseynov G.-R. A.-K. Nekotoryye yazykovyye i fol'klornyye materialy k voprosu o peredneaziatskoy prarodine tyurkskikh narodov v kontekste problemy kумыкского lingvoyetnogeneza [Some linguistic and folklore materials on the question of the Front Asian ancestral homeland of the Turkic peoples in the context of the problem of Kumyk linguoethnogenesis]. *A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. Trudy i materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings and materials of the International Scientific Conference “J. Baudouin de Courtenay and worldwide linguistics”]. Kazan, 2015, vol. 2, pp. 89–92 (in Russian).
13. Guseynov G.-R. A.-K. Eshche odno svidetel'stvo lokalizatsii prarodiny tyurok v Peredney Azii: bun-turki i khon(n)y gruzinskikh rannesrednevekovykh khronik [Another evidence of the ancestral homeland of the Turks localization's in the Near East: bunturks and khon(n)s of the Georgian early Medieval chronicles]. *Nauchnoye nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly. Trudy i materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings and materials of the International Conference “The scientific heritage of V. A. Bogoroditsky and the modern vector of research of the Kazan Linguistic School”]. Kazan, 2018, pp. 54–59 (in Russian).
14. Abayev V. I. O yazykovom substrate [About the language substrat]. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznanija AN SSSR* [Reports and messages of the Institute of Linguistics of Academy Sciences of the USSR]. Moscow, 1956, vol. 9, pp. 57–69 (in Russian).
15. Pakhalina T. N. O roli umlauta v istorii razvitiya vokalizma iranskikh yazykov [On the role of umlaut in the history of the development of vocalism of Iranian language]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the study of language*, 1977, no. 4, pp. 89–97 (in Russian).
16. Kyzlasov I. G. *Voprosy khazarovedeniya* [Questions of Khazar studies]. *Stepi Vostochnoy Evropy v Sredniye veka: sbornik pamyati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoy* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages: A collection in memory of Svetlana Alexandrovna Pletneva]. Editorial board: I. L. Kyzlasov (resp. ed.), U. Yu. Kochkarov, V. N. Chkhaidze, I. L. Kyzlasov. Moscow, Avtorskaya kniga Publ., 2016, pp. 249–257 (in Russian).
17. Dybo A. V. *Lingvisticheskiye kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskiy fond. Pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks. Lexical Fund. Praturk period]. Ed. D. M. Nasilov. Moscow, Nauka Publ, 2007. 223 p. (in Russian).
18. Guseynov G.-R. A.-K., Mugumova A.L. O nekotorykh (umlaut i rotatsizm) aspektakh drevnikh irano-tyurkskikh foneticheskikh otnosheniy i vopros ob oblasti pervonachal'nogo rasprostraneniya endoetnonima bashkort [Some (umlaut and rotacism) aspects of ancient iranian-turkic phonetic relations and the question of the area of initial distribution of endoethnonym bashkort]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2021, no. 1, pp. 199–201. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.31 (in Russian).
19. Telegin L. A., Telegina D. A., Pavlycheva E. D. *Istoriya angliyskogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya bakalavrov* [History of English: textbook for bachelors]. Moscow, Flinta Publ, 2010. 155 p. (in Russian).
20. Tronskiy I. M. *Ocherki iz istorii latinskogo yazyka* [Essays from the history of Latin]. Moscow, Leningad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1953. 274 p. (in Russian).
21. Dobrodomov I. G. Otrazheniye dvukh raznovidnostey rotatsizma v bulgarskikh zaimstvovaniyakh slavyanskikh yazykov [Reflection of two varieties of rotacism in Bulgarian borrowings of Slavic languages]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the study of language*, 1974, no. 4, pp. 106–115 (in Russian).
22. Kasatkina R. F. Eti strannyye vibranty (nekotoryye proyavleniya apiko-al'veolyarnykh artikulyatsiy v russkom yazyke) [These strange vibrants (some manifestations of apico-alveolar articulations in Russian)]. *Semiotika, lingvistika, poetika: k stoletiyu so dnya rozhdeniya A. A. Reformatskogo* [Semiotics, linguistics, poetics: On the centenary of the birth of A. A. Reformatskiy]. Ed. V. A. Vinogradov. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 117–122 (in Russian).
23. Golb N., Pritsak O. *Khazarsko-evreyskiye dokumenty X veka* [Khazar-Jewish documents of the 10th century]. Scientific ed. V. Ya. Petrukhin. Moscow, Jerusalem, Gesharim Publ., 1997. 259 p. (in Russian).
24. Samoylovich A. N. Zametka ob yazyke volzhskikh bulgar. TURUN–TUDUN (Eshche primer tyurko-bulgarskogo rotatsizma) [Note on the language of the Volga Bulgars. TURUN-TUDUN (Another example of Turkish-Bulgarian rotation)]. *Otd. ott. iz Sbornika Muzeya antropologii i etnografii pri Rossiyskoy akademii nauk* [Individual imprint from Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at Russian Academy of Sciences]. Petrograd, Printing House of the Russian Academy of Sciences Publ., 1918, pp. 398–400 (in Russian).

25. Guseynov G.-R. A.-K. *Istoriya drevnikh i srednevekovykh vzaimootnosheniy yazykov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim yazykom* [History of ancient and medieval relations of the languages of the North-East Caucasus and Dagestan with the Russian language]. Editor N. K. Olmesov. Makhachkala, Alef Publ., 2010. 214 p. (in Russian).
26. Aliyev K. M. O vliyaniy khazarskikh evreyev na etnos i kul'turu kumykov [About influence of Khazar Jews on the ethnos and culture of the Kumyks]. *Istoriya, istoriografiya i etnografiya gorskikh evreyev. Tezisy dokladov regional'noy nauchnoy konferentsii* [Abstracts of reports of the Regional Scientific Conference "History, historiography and ethnography of mountain Jews"]. Editor I. G. Semenov. Dagestan, Institute of History, Archeology and Ethnography DSC RAS Publ., 2009, pp. 4–9 (in Russian).
27. *Qumuqlany jyrlary* [Songs of the Kumyks]. Compiler A. Adzhiev, editor B. Mag'ammatorov. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 2002, vol. 2. 459 p. (in Kumykian).
28. Abdullatipov A. Skazaniye o bitve pri Anzhi kak sokrovishchnitsa drevnikh tyurkskikh simbolov i ponyatiy kumykskogo naroda [The legend of the battle of Anzhi as a treasury of ancient Turkic symbols and concepts of the Kumyk people]. *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva*, 2002–2003, no. 8–10, pp. 48–53 (in Russian).
29. Aliyev K. M. *Targu-name. Leksikon* [Targu-name. Lexicon]. Compiler K. M. Aliyev. Makhachkala, Novyy den' Publ., 2001. 291 p. (in Russian).
30. *Kumyksko-russkiy slovar'* [Kumyk-Russian dictionary]. Editor Z. Z. Bamatov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. 408 p. (in Russian).
31. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Editor D. N. Ushakov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1940. Vol. 4. 1500 p. (in Russian).
32. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Editors V. M. Nadenyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev et al. Moscow, Nauka Publ., 1969. 676 p. (in Russian).
33. Guseynov G.-R. A.-K. Proiskhozheniye nazvaniy goroda Derbenta i toponimii yego regiona v kontekste etnoyazykovoy situatsii rannego Srednevekov'ya [The origin of the names of the city of Derbent and the toponymy of its region in the context of the ethno-linguistic situation of the early Middle Ages]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2014, no. 2 (17), pp. 54–67 (in Russian).
34. Guseynov G.-R. A.-K. Bulgarizmy staroslavianskogo (drevnebolgarskogo) yazyka v kontekste istorii areal'nykh vzaimootnosheniy bulgarskikh yazykov Balkan i Severo-Vostochnogo Kavkaza [Bulgarisms of the Old Slavic (ancient Bulgarian) language in the context of the history of the areal relations between the Bulgarian languages of the Balkans and the North-East Caucasus]. *Balkanско езикознание – Balkan linguistics*, 2013, vol. LII, no. 2–3, pp. 57–68 (in Russian).

Информация об авторе

Гусейнов Г.-Р. А.-К., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет (ул. Гаджиева, 43, Махачкала, Россия, 367000).

Information about the author

Guseinov G.-R. A.-K., Doctor of Philological Sciences, Professor, Dagestan State University (ul. Gadzhieva, 43, Makhachkala, Russian Federation, 367000).

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 09.08.2021; accepted for publication 29.03.2022